

ПЕЛИПЕНКО Андрей Анатольевич –

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем
Российского института культурологии
detoped@yandex.ru

ПРОКЛЯТИЕ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

В позднесоветские времена интеллигенты-прогрессисты не сомневались в том, что падение коммунизма, чего они, впрочем, втайне боялись, будет означать автоматическое торжество добра, справедливости и здравого смысла в их «общечеловеческом», т.е. западном, понимании. С тех пор возникло немало поводов поиздеваться над этими наивными грезами, что и было сделано. Но сейчас, когда в исторически обозримой перспективе замаячил очередной крах, т.е. завершение очередного «русского цикла», перед рефлектирующим сообществом возникает мучительный вопрос: ждет ли нас пусть ужасный, но все-таки конец *этого*, или последует очередная смена декораций, и *это* вновь разродится уменьшенной матрешкой? Коммунизм, сталинизм, большевизм, фашизм, православный фундаментализм, широко понимаемое манихейство – это лишь обертки. В ином случае гибриды всего этого не рождались бы с такой легкостью. Сущность же *этого* – «русская матрица», т.е. такая система самоорганизации общества, в силу которой оно естественным образом всякий раз расслаивается. Говорю «русская», а не «российская» потому, что коренится она в русской ментальности, а не в российской политической системе.

Противники понятия «ментальность» говорят, что никакой матрицы нет: стоит лишь поменять политическую систему и социальные «правила игры», и Россия тотчас станет нормальной цивилизованной страной. Может быть, может быть... Только вот поменять эти самые правила почему-то никак не удается: ни царям-реформаторам, ни генсекам-вольтерьянцам, ни президентам-демократам – никому. Вот здесь и проявляет себя «русская матрица» – продукт исторически сформировавшегося ментального типа, обладающего определенными устойчивыми чертами. Одна из них – антиисторизм.

Сознание человека «русской матрицы»

архаично и инфантильно. Мир описывается набором племенных мифологем, почти полностью блокирующих рациональное восприятие реальности. Время для такого сознания течет циклично, точнее, по спирали, но с очень вялой поступательной компонентой. Исторический опыт не аккумулируется, статус события и факта зависит от их интерпретации в мифе. Все нерелевантное мифу – отбрасывается. Циклы мифологического времени членятся сменой власти – космозирующего субъекта и источника всякого бытия. Приход нового правителя знаменует очередное обнуление времени и ритуальное обновление космоса, когда жизнь начинается с чистого листа, а весь накопившийся исторический опыт сбрасывается, как ветхая одежда. В этом нет ничего уникального: такое отношение архаического сознания к историческому бытию хорошо описано М. Элиаде на материале древних народов. Уникальность, однако, в том, что в данном случае носителем антиисторического сознания является народ, глубоко вовлеченный в современный мир и сам парадоксальным образом привнесший историзм и феодально-имперскую государственность в бытие архаичных народов Сибири и Дальнего Востока. Бесконечное бегство от ужаса истории в давно «расколдованном» (М. Вебер) мире оборачивается чем-то еще более ужасным: например, коммунистической утопией. Примечательно, что чем дальше народ ушел от мифологического представления о времени, тем выше у него иммунитет к искушению разом прыгнуть в рай, где нет ни зла, ни противоречий, ни проклятой истории. Показательно в этой связи, что русским, в отличие от остальных, коммунизм никто извне не навязывал.

«Русская матрица» антиличностна. Существование самоактивной и автономной личности здесь допускается лишь в случае, если она оправдывает свое отпадение от коллективного «тела» служением: царю, Богу, отечеству, начальству,

какому-либо институту или идее. В ином случае личность — отщепенец, самозванец и, в конечном счете, предатель и враг. Подавление личностного начала — атавизм глубоко архаичной социокультурной системы, где отдельный индивидуум ценится только как персонификатор, своего рода медиум, через которого воздействуют на общество непредсказуемые и неконтролируемые мистические силы. Личность же, действуя исключительно от себя и по своему собственному уму, всегда подозрительна и опасна, ибо своей самостной активностью нарушает мистически предопределенный порядок вещей и хотя бы невольно «фильтрует» поток исходящих свыше флюидов. Вот почему в русском традиционном сознании так важна персона и так принижается личность. Закрываясь от исторического опыта, общинно-племенной коллективизм вступил в причудливый симбиоз с принципом персонификации, когда персона-медиум оказывается медиатором и концентрированным воплощением коллективного духа в его диалоге с силами космоса. Отсюда бесконечные поиски харизматиков в ответ на вопрошания: кто есть истина? Лишь в самое последнее время в наиболее продвинутой части общества начало созревать рациональное понимание законов бытия и тщетности надежд на харизматическую персону-медиума.

«Медиумическая» программа глубоко укоренилась в ментальности российского властного субъекта на всех уровнях. Оттого сознание российского чиновника всегда в некоторой степени раздвоено: с одной стороны, он принадлежит к миру живых человеческих отношений со всеми их «неправильностями», а с другой — к полутрансцендентному миру Должного, миру высших и таинственных сверхрациональных резонансов. В этой своей ипостаси чиновник транслирует в мир перлы непостижимой для простых смертных запредельной мудрости, которая, однако, нередко предстает полностью оторванным от жизни идиотизмом. Начальственный идиотизм — не просто бытовое явление. Это примечательный культурный феномен. Корни его восходят к священному безумию жреца, глаголющего от имени высших сил, высящихся над пошлым здравым смыслом и вообще любыми доводами разума. Помню, как в позднесоветские времена по учреждениям и вузам ходили

лекторы-«просветители» от КГБ, в чью задачу входило преподнести опостылевшие образы кремлевских старцев и маразм проводимой ими политики в ореоле мудрости и величия. С аудиторией попроще им это удавалось. Медиумическая функция иерархии государевых людей становится особенно актуальной в условиях обострения культурно-цивилизационного раскола. «Правильный» государев человек не только выступал медиатором между метафизическими полюсами Должного и Сущего, но и ситуационно «сшивал» безнадежно чуждые друг другу половинки российского социокультурного космоса, выступая живым синтезом формального и неформального начал. В связи с этим нетрудно объяснить фантастический успех фильма «Чапаев» и не сравнимую ни с каким иным произведением фольклоризацию его героев. Фурманов — носитель формального, «трансцендентного» начала, абсолютной и безупречной высшей правильности. Петька — противоположный, всецело «имманентный» полюс народной стихии с ее спонтанностью, неправильностью и всем «человеческим, слишком человеческим» (Ницше). Между ними герой-медиатор — Чапаев, преодолевающий крайности обоих полюсов и выполняющий роль мифического культурного героя, синтезирующего Должное и Сущее, и потому воссоздающий полноценно-завершенную ткань бытия. Попытки же слияния Чапаева и Фурманова в одном образе, как, например, в «Шорсе» А. Довженко, всегда выглядят фальшиво и неубедительно, ибо в логике манихейского сознания дуализм Должного и Сущего следует не игнорировать, а преодолевать. Но русское Должное умерло, и властный идиотизм лишился своих бессознательных мистических подпорок.

Русская матрица парадоксальным образом делает нашу цивилизацию антиантропной: обычный, «не государев» человек здесь не имеет ни прав, ни законного места, ни вообще чего-либо устойчивого, неотъемлемого, гарантированного. На каждом шагу его поджидают опасности, подвохи, унижения. Вся социальная и даже предметно-бытовая среда настроена против него. Мир вещей устроен неоптимально, нелепо, безобразно, неудобно. Сфера социальных отношений в этом смысле — продолжение мира вещей. Человек рожден, чтобы мучиться! Эта

вызревшая в лоне восточного христианства формула была доведена в СССР до своего совершеннейшего воплощения в смертельном экзистенциальном ужасе сталинской эпохи. Официальные декларации на тему: «все для человека!» комментировать не стану. Постсталинское «смягчение нравов» и улучшение социально-бытовых условий происходило не благодаря, а вопреки «русской матрице». И этот вынужденный компромисс стал началом ее конца.

Коренящаяся в византийском православии идея глубинной и безнадежной испорченности мира при полном исчерпании эсхатологического мифа оборачивается фатальной беспочвенностью существования: скачок в рай отменяется, а дольний мир неулучшаем. В практическом аспекте проблема принимает вид дихотомии: либо изжить «русскую матрицу», либо, спиваясь, вымирать. Неудивительно, что расколотое общество дает два противоположных ответа. Но какой из ответов станет определяющим? Обращаясь к вопросу о перспективах, подыграю не очень симпатичной, но весьма распространенной привычке российских аналитиков осмыслять мир сквозь призму исторических аналогий, не обращая внимания на их отчаянную хромоту.

В 1917 г. завершившая свой очередной исторический цикл «русская матрица» переформатировалась. Место православного монарха занял обожествляемый вождь. Два диссистемных социальных слоя — пролетариат и буржуазия — обрели свои места в обновленной системе. Пролетариат-гегемон взял на себя роль проводника в коммунистический рай, а буржуазия заняла место лубочного средневекового дьявола, заставив вновь принять мировое зло всерьез. Парадоксальная смесь изоляционизма и агрессии получила новое обоснование в идеологеме всемирной победы коммунизма (позднее — социализма) в сочетании с презрительно-высокомерным отторжением «чуждых нам» идей, ценностей, норм, вкусов и нравов. Тогда система отделилась переформатированием, хотя видно это стало лишь с немалой исторической дистанции.

Будет ли так и сейчас? Вряд ли. В 1917 г. баранье-манихейское «мы» наполнилось действительно новым, духоподъемным (без иронии!) содержанием. Коммунистический миф как никакой дру-

гой уводил от ужаса истории, а имперское строительство наполняло жизнь малых сих конкретным смыслом, отодвигая в подсознание болезненные нравственные интуиции и пошлый рационализм законов бытия и здравого смысла. Впрочем, замахиваясь на мировое господство, советская система хоть и в отфильтрованном и искаженном виде, но все же адаптировала некоторые мотивы гуманистической антропологии и морали в их своеобразно обобщенной просвещенческо-романтической редакции. Система же постсоветская, озабоченная исключительно самосохранением, весь этот балласт сбросила. Герой нашего времени — успешный подонок, а тот, кто не смог ничего украсть, — лузер.

Пиком цивилизованности советского человека были 1970-е–80-е гг., когда имперская система образования прикрыла его варварскую суть, казалось бы, достаточно солидным слоем рациональности, нравственной выучки и общей эрудиции. Однако то ли «период цивилизованности» оказался слишком кратким, то ли знания были не те, то ли «русская матрица» в очередной раз взяла свое, но, как только государству стало не до просвещения масс, последние с нескрываемым удовольствием предались стремительному раскультированию. И без того шаткие моральные устои и тощий опыт духовной дисциплины вмиг оказались растоптанными разудало-задорным носорожьим цинизмом. Немало говорят об ответственности верхов за обывление, обывливание населения в постсоветскую эпоху. Все верно, и рано или поздно кто-то должен будет за это ответить. Но почему не говорят о том, с какой легкостью значительная часть общества предалась этому обывлению? Как только варвара перестали одергивать, наружу полезло агрессивное невежество, дичайшие суеверия, первобытная ксенофобия. Самодовольная тупость оказалась возведенной чуть ли не в культ. Торжествующая пошлость пронизала собой все сферы жизни и социальных коммуникаций, а эпидемия конспирологии заставляет задуматься о массовом безумии народа, уходящего с исторической сцены. Упрощение, сброс культурно-цивилизационного гумуса — типичные симптомы закатной эпохи, что, впрочем, не снимает ответственности с конкретных людей, сознательно усиливающих этот процесс. И самое тревожное: историче-

ский опыт показывает, что процесс такого масштаба раскультирования необратим. С достаточной исторической дистанции механизмы архаизации общественного сознания в последние 20 лет станут более понятными. Но сейчас речь не о них как таковых.

В наши дни вновь приобретает критическую остроту неизбывная расколота общества на европейскую и азиатскую части. Речь идет, разумеется, не о географии, а о ментальности. «Русская матрица» традиционно разрешает критическое до несовместимости разведение культурно-цивилизационных полюсов путем репрессивного подавления европейской части. Будет ли так и на сей раз? Есть некоторая надежда, что нет. Похоже, «русская матрица», наконец, надорвалась. Когда приводят ужасающую статистику по алкоголизму, наркомании, суицидам, детской смертности и всему остальному, что вкупе позволяет говорить о полномасштабном антропологическом кризисе, то все это относится, главным образом, к «азиатской» части, вступившей в полосу стремительной деградации. И причина ее не в каких-то частных социально-экономических проблемах, а в исторической усталости и бессмысленности существования. «Европейская» же часть при всей своей малочисленности, напротив, являет внушающую осторожный оптимизм жизнеспособность и готовность интегрироваться в современный мир. Однако вытянуть за собой

деградирующих детей «русской матрицы» она, очевидно, не в состоянии. А потому, глядя правде в глаза, следует, наконец, сменить повестку дня: прекратить осточертевшие разговоры о реформах, хотя бы даже и революционных, и осознать, что выбор заключается не в их проведении или не проведении. Ведь реформы, проводимые в интересах одной части общества, будут до последнего саботироваться другой. Стратегических решений, удовлетворяющих обе стороны расколотого общества, не существует. Вопрос стоит так: либо умиравшая «русская матрица» утащит российский европеизм с собой в историческое небытие, либо решится, наконец, на «развод».

Русский раскол неизбежен. Для значительной части общества он даже стал болезненной формой идентичности. Преодолеть его в рамках России как цивилизационного целого, как бы того ни хотелось, невозможно в принципе. Неизбежное геополитическое переформатирование России в ходе деградации режима создаст условия для названного развода. И водораздел пройдет не по уровню доходов или месту проживания, а по ментальным кодам, ибо русской Европе и русской Азии более в одной стране не ужиться, как не работать «сетевым хомячкам» на Уралвагонзаводе, ибо общие культурно-цивилизационные коды полностью сняты. Или нас ждет еще один(?) виток исторической спирали, еще одна матрешка из чрева «русской матрицы»?

ЗАВЕРШИНСКИЙ Константин Федорович –

*д.полит.н., профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии СПбГУ
Zavershinskiy200@mail.ru*

ОПАСНАЯ КОЛЕЯ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

В постсоветской интеллектуальной публицистике для описания специфики социокультурной эволюции современного российского общества используются такие понятия, как «русская матрица», «русский цикл», «ментальные коды русской культуры». Причудливое сочетание известного смысла с семантикой пришедших из западной социологии терминов некоторые авторы риторически усиливают написанием

этих понятий с прописных букв. Вместе с тем независимо от прогрессистских или консервативных контекстов подобных описаний культурной природы «русской ментальной матрицы» у многих читателей при знакомстве с подобными текстами возникает чувство дежавю. За «матрицами» и «ментальными кодами» прослеживаются весьма традиционные способы описания социокультурных процессов.